

Смертельное непонимание

Почему российские подростки убивают себя.

«15-летняя девушка выбросилась из окна 24-го этажа...» Предыдущую неделю чуть ли не каждый день пресса сообщала о самоубийствах подростков. Такие публикации, с одной стороны, очень опасны: они провоцируют подражание. Но, с другой стороны, проблема подросткового суицида стала слишком острой, и на нее пора обратить внимание всем: и государству, и обществу, и каждой семье. По примерным оценкам, только в Москве 60 тысяч подростков ежегодно пытаются покончить с собой. Сколько таких попыток происходит по всей стране, определить сложно, но, учитывая, что уровень самоубийств в столице намного ниже, чем в регионах, речь идет о массовой эпидемии. Конечно, далеко не все попытки самоубийства заканчиваются гибелью. Но за каждой из них отчаянный крик подростка, который чувствует себя одиноким, ненужным и непонятым.

— И как-то все это произошло... У меня будто помешательство было. Ну, я закрылась в ванной и порезала вены... — Двухлетняя С. несколько лет назад пыталась покончить с собой. Случайно в соседней комнате оказалась ее подруга, которая вышибла дверь и вызвала «скорую».

— А по твоему поведению окружающие могли догадаться, насколько тебе плохо?

— Все мои близкие — их немного — они знали, что я депрессивная такая баба, дай только волю порыдать. Мол, у нее вечно все плохо. А когда это произошло, никто даже и не думал, как все серьезно...

На ее руке белый шрам.

— Я все пыталась его чем-то забить — татуировку сделать или что еще. Знаешь, когда знакомишься с каким-то хорошим мальчиком и он видит это на твоих руках...

Эпидемия

Психологи предупреждают: суициды заразны. Рассказывать лишний раз о них с экрана телевизора или со страниц журнала — только разносить вирус.

— Работает так называемый эффект Вертера, — объясняет Кирилл Хломов, руководитель Центра социально-психологической адаптации и развития подростков «Перекресток» при МГППУ. — Но сегодня СМИ уже не играют в этом решающую роль — точно так же информация разносится по социальным сетям самими подростками.

Кирилл Хломов, кандидат психологических наук, руководитель центра «Перекресток» при Московском городском психолого-педагогическом университете

Этот эффект был выявлен в 1974 году американским социологом Дэвидом Филипсом, который исследовал волну самоубийств в Европе в конце XVIII века, спровоцированную романом Гете «Страдания юного Вертера».

Но не говорить тоже нельзя. Бедствие стало слишком масштабным. Четыре самоубийства, произошедшие в Москве на прошлой неделе, — это лишь верхушка айсберга. Как ни странно, столица с ее стрессами и перенаселением вовсе не является лидером по числу подростковых самоубийств.

Согласно докладу, подготовленному группой российских медиков по заказу ЮНИСЕФ, в Москве ежегодно происходит 4,9 подростковых суицида на 100 тысяч жителей. Всего же по России — больше 20. А в некоторых регионах показатели в десятки раз больше московских. К примеру, в сельских районах Тувы ежегодно происходит 160 подростковых самоубийств на 100 тысяч жителей. В деревнях и селах подобные трагедии случаются чаще, чем в городах, просто они реже попадают в центральную прессу, оставаясь лишь цифрой в статистических сводках.

Но и статистика знает далеко не все. По оценкам экспертов, как минимум 10–20% подростковых суицидов не фиксируется. Они проходят по статьям «падение с высоты», «отравление» или просто «смерть при невыясненных обстоятельствах». Властям некогда разбираться с каждым случаем, к тому же суицид портит показатели.

Да и грань между суицидом и просто «неосторожным поведением» очень тонкая. Представьте шестнадцатилетнего подростка, который, поссорившись с девушкой, выпивает две банки «Ягуара», садится на мотоцикл, разгоняется и врезается в столб. Это что? Самоубийство или нет?

Мы имеем дело с сотнями тысяч подростков, которые постоянно находятся в группе риска. И даже если нам кажется, что уж с нашим ребенком точно ничего такого произойти не может, все равно нужно задуматься о гигантской стене непонимания, которая отделяет подростков от всего остального мира.

Шантаж

Количество самоубийств в разных странах
(Данные ВОЗ и Росстата, на 100 тыс. жителей)

Литва **36**

Южная Корея **31**

Шри-Ланка **31**

Белоруссия **29**

Казахстан **26**

Венгрия **25**

Япония **25**

Латвия **24**

Россия **23**

Украина **22**

Бельгия **20**

Финляндия **20**

Франция **17**

Китай **14**

Германия **12**

Канада **11**

США **11**

Индия **10**

Нидерланды **9**

Испания **8**

Италия **6**

Бразилия **5**

Мексика **4**

Филиппины **2**

Армения **2**

Азербайджан **0,7**

Египет **0,1**

Маленькие дети из любопытства лезут в розетку. Большие — в петлю. Но на розетку можно поставить заглушку и для надежности загородить ее тяжелым креслом. А петля не контролируется. Она у подростка в голове. И в какой-то момент, не справившись со страхом, отчаянием или просто из любопытства, он может накинуть ее себе на шею.

— И тогда я маме сказала: «Если ты мне не купишь новые джинсы, я порежу вены», — вспоминает Алина, финансовый аналитик 35 лет. — «Вперед», — твердо ответила мама и протянула мне кухонный нож. Я поняла, что отступать некуда — нужно показать характер, иначе получается, что я трепло. И я полоснула по руке. Поперек и сверху, по коже, чтобы не зацепить вены на самом деле. Дальше были крик, кровь, «скорая». Тогда я гордилась, что мне удалось их напугать. А теперь всегда ношу часы с широким браслетом, чтобы партнеры по бизнесу не видели идиотский шрам на руке.

Суицид, особенно подростковый, часто рассматривается как шантаж и манипуляция. Мол, если подросток в открытую угрожает самоубийством, то вряд ли на самом деле отважится на что-то подобное.

— Это один из мифов, — говорит Кирилл Хломов. — Во-первых, подросток может быть готов совершить суицид, но говорит об этом, надеясь, что его остановят. Во-вторых, такое поведение нередко действительно содержит шантаж. Но это еще и крик о помощи. За каждым таким действием стоит очень сильная неудовлетворенная потребность. И потом, даже если подросток планировал только напугать взрослых, нет никакой гарантии, что по трагической случайности попытка не окажется успешной. Вообще-то из общего числа суицидов только десять процентов относятся к психиатрии в прямом смысле слова. Девяносто процентов — это реакция на кризисное состояние.

— Но если подростку удастся получить желаемое, не получится ли так, что эта стратегия закрепится? И с каждым разом «кончать с собой» придется все более убедительно?

— Такая опасность есть, и тут можно дать только один банальный совет: если в семье шантаж с помощью суицида уже начался, не идти по пути «повышения порога чувствительности», а обращаться к специалистам и решать проблему комплексно. Ведь проблема не в суициде, суицид — это симптом какой-то социально-психологической недостаточности. Это всегда своего рода послание.

Кирилл Хломов среди прочих мифов о суицидах называет еще один: если человек решил покончить жизнь самоубийством, ему невозможно помешать, более того, никто в этом не виноват. С одной стороны, этот миф выполняет важную функцию — снимает чувство вины с родителей и других взрослых, которые были рядом с подростком. С другой стороны, это означает: нас это не касается, сам дурак.

— Конечно, касается, и говорить нужно, но это очень сложно, — объясняет Кирилл.

— Потому что подросток в силу своих возрастных особенностей оказывается зажатым в тиски: с одной стороны, основная задача этого возраста — сепарация, отделение от родителей, и в то же время он очень нуждается в принятии. «Оставьте

меня в покое!» — говорит он родителям. Но как только обиженный родитель огрызается: «Ну и сиди тут сам, ему как лучше хотели», заявляет: «Я так и знал, что никому не нужен!»

— Как же в таком случае разговаривать?

— Не навязываться и не отталкивать, несмотря на то, что ребенок сам «отталкивается» — для его возраста это нормально. Перенести фокус разговора на возможность обратиться за помощью в любой момент: «Я тебя буду спрашивать, потому что ты мне дорог, я тебя люблю. Но ты можешь не отвечать, если не хочешь. Однако если тебе нужно поговорить, помни — я всегда рядом и всегда готов прийти к тебе по первому зову». Тут, правда, другая сложность возникает: эти вещи нельзя просто декларировать. Это нужно делать.

Эксперимент

— И буду я лежать в ванной — мертвая, красивая, белая как мрамор... Для этого я решила налить горячую ванну, а тонкой струйкой пустить холодную воду. По моим расчетам, когда теплая вода заменится на ледяную, я постепенно умру, «заморожусь», — рассказывает одна девушка психологу.

— И что? — уточняет психолог.

— Что-что... Полежала полчаса, замерзла и вылезла.

Тысячи подростков вовсе не собираются кончать с собой. Но их игры и эксперименты всегда «на грани». Никто из авторов этого материала не пытался всерьез покончить с собой. Но, например, один из нас хорошо помнит, как в 12 лет прыгал с друзьями с крыши беседки. Непрыгнувший считался трусом. Из той же серии конкурс «Кто перебежит дорогу перед машиной, идущей на полной скорости», хождение по железнодорожным путям и прочие подобные развлечения. Это что — суицидальное поведение? Подростковая бравада?

— Это проверка границ на прочность, — утверждает Хломов. — У подростка резко перестраивается тело. И психика. Банально: раньше сексом заниматься не мог — теперь может, раньше водку пить не мог — теперь может. Водить мотоцикл, драться всерьез, возвращаться поздно домой, переплывать реку... Все эти «подвиги», конечно, опасны, но это способ раздвинуть границы. Рискнуть — и выйти победителем, убедившись в своей силе. Несчастные случаи при этом никто не отменял. Но и прыгая с крыши, подростки не обязательно имеют в виду разбиться насмерть. У них есть ощущение собственной неуязвимости. Они экспериментируют. И не удерживают при этом в голове мысль о возможной гибели.

Подросток обнаруживает, что с какого-то момента может самостоятельно принимать решения относительно своей жизни. И смерти.

— Это очень важный момент, — говорит Юрий Лапшин, заведующий лабораторией деятельностных исследований в МГППУ, — момент проявления воли. Например, ребенок может взять и не пойти в школу. Или попробовать алкоголь. Или решить стать ученым и начать ходить на лекции. Он начинает понимать, что рычаги управления находятся внутри него, а не вне. Но этих рычагов и рычажков так много, и пока мало что известно о том, как они действуют. Как проверить? Держать за все подряд и смотреть, что получится.

Невидимки

Количество подростковых самоубийств в регионах России
(Данные доклада ЮНИСЕФ, на 100 тыс. жителей)

Чукотский АО **186,8**

Тыва **106,9**

Алтай **85,4**

Бурятия **83,4**

Якутия **76,5**

Калмыкия **47,1**

Хакасия **46,7**

Иркутская обл. **46,1**

Пермский край **38,2**

Алтайский край **33,2**

Свердловская обл. **23,7**

Тюменская обл. **22,5**

Татарстан **14,3**

Тульская обл. **14,3**

Ставропольский край **10,1**

Белгородская обл. **8,6**

Санкт-Петербург **6,5**

Москва **4,9**

Орловская обл. **4,7**

Рязанская обл. **4,2**

Северная Осетия **3,7**

Дагестан **3,5**

— И буду я лежать в гробу. В белом платье. А все будут плакать, — мечтательно говорит девочка Лена школьному психологу.

— Но ты же этого не увидишь!

— Почему это? А, ну да...

Подростки часто романтизируют смерть. Им кажется, что это красиво, мужественно, что это «по-настоящему».

— Культурная среда поддерживает романтизацию суицида — вспомните Ромео и Джульетту. Да и в современности примеров достаточно, — считает Хломов. — Мерилом силы чувства становится неспособность его пережить — такой вот парадокс.

Разноцветные сердечки из картона, бусины, свечи, трогательные прощальные записки... Все это разлетается по интернету и СМИ, трагедия из обычного ученика средней школы делает героя. Правда, ненадолго.

Потребность быть героем, потребность выделяться — это во все времена толкало многих подростков на экстремальные поступки. Когда человек не может себе придумать способ «выделения», а общество ему в этом не помогает, остаются только крайние варианты.

— Мне кажется, есть особая группа риска среди подростков, — полагает Юрий Лапшин, — такие серые мышки на отшибе. Они даже не маргиналы в полном смысле этого слова, скорее «невидимки»: их никто не замечает. И, может быть, суицид для них — способ заявить о себе. Ведь несколько дней после этого одноклассники только и будут говорить о том, что «он-то, оказывается, вот чего... и день рождения у него был на днях... а еще он вот ту девчонку любил... И такие-то слова перед смертью написал».

Такие подростки настолько уверены в своей «невидимости», что размещают на своих страницах в социальных сетях совсем уж провокационные послания — мол, все равно никто не обратит внимания.

Последняя запись: «Мой корабль медленно идет в теплые объятия смерти, мы с ней встречались — мне поверьте!» На аватарке висельник. На одном из фото мальчик сидит на подоконнике, поджав ноги, и смотрит вниз. Через несколько дней он покончил с собой.

Но часто таких прямых «указаний» на возможный суицид у подростка нет. Решение принимается импульсивно, и далеко не всегда ребенок до конца осознает, что, шагнув с подоконника, он умрет по-настоящему.

Причины

— В России ежегодно каждый двенадцатый ребенок пробует совершить суицид, — печально констатирует Кирилл Хломов. — Мы занимаем первое место среди европейских стран по количеству подростковых самоубийств.

На вопрос, что именно определяет уровень самоубийств, ученые не могут дать однозначного ответа. Тут работают и генетика, и религиозные традиции, и многое другое. Как правило, разные факторы действуют вместе. Но для России одним из самых значимых является так называемая аномия. Это понятие больше ста лет назад ввел в оборот социолог Эмиль Дюркгейм. Речь идет о ситуации, когда старые нормы уже разрушились, а новые еще не до конца сформировались.

Эту теорию подтверждает мировая статистика самоубийств. В числе лидеров в последние годы оказались такие разные страны, как Россия, Украина, Белоруссия, Латвия, Литва, Казахстан. Разные культуры, разные религии, но общее — переживания из-за реформ и глобальных перемен.

— Правила меняются слишком быстро, — рассказывает Хломов. — При Советском Союзе такого количества детских суицидов не было. Зато были октябрята-пионеры-комсомольцы. Мы говорим сейчас не про идеологию, а про социальную ценность этих институтов. Детские и юношеские организации должны быть максимально

разнообразными. Это важно, так как дает возможность ребенку, с одной стороны, сепарироваться от родителей, с другой — не остаться один на один со своим взрослением в нестабильном огромном мире.

Статистика показывает, что в начале перестройки число подростковых суицидов резко упало по сравнению с временами застоя. Пионеры с комсомольцами еще существовали, но при этом появилось огромное количество других средств «включенности» — клубы, митинги, дискуссии, экспериментальные школы, неформальные объединения. Нечто подобное происходило и во времена хрущевской оттепели. Слом страны и разрушение молодежных институтов привели к резкому скачку суицидов.

Еще одна причина: в России, в отличие от европейских стран, родители слишком много работают. И слишком мало времени проводят дома, в семье.

— Я говорю о тех родителях, которые профессионально состоялись, — поясняет Хломов. — Мы наблюдаем три варианта: либо родители успешные и все время на работе, а дети чувствуют себя заброшенными, одинокими, хотя имеют айпад, айфон и свободу. Второй вариант — перекося в обратную сторону: родители не сделали хорошую карьеру, они сидят дома и «занимаются детьми», да так, что детям от этого тошно и они стремятся освободиться от гиперопеки. Третий вариант более характерен для регионов — когда родители не просто неуспешные, а неблагополучные: пьют, дерутся, не замечают, что дети недоедают, и так далее.

Еще одна причина — виртуализация жизни подростков. Тихие необременительные для окружающих троечники сидят в своих аккаунтах и компьютерных играх, и у них очень мало сцепок с реальностью. Это тоже группа риска.

Борьба

Обычная районная школа в Англии. На стене висит объявление: «Нужно поговорить? Капеллан Сюзанна ждет тебя ежедневно с 10.00 до 16.00 в комнате номер 1404». Нэнси, завуч по внеклассной работе, объясняет нам, что капеллан не имеет никакого отношения к религиозной пропаганде, — Сюзанна работает «доверенным лицом для подростков, которым необходимо с кем-то поговорить по душам».

Конечно, в школе есть и психолог, и масса «дополнительных» учителей специального профиля, которые помогают ученику выбрать профессию, решить вопрос с документами, определиться с вузом. Но и это еще не все. В большом зале на диванчиках ученики готовят домашние задания под присмотром студентов. Студенты подрабатывают тьюторами и напоминают скорее старших братьев и сестер — вот один из школьников отложил тетради и советуется о чем-то со своим старшим «наставником».

Если у ребенка нет контакта с классным руководителем, он может пойти к капеллану. Или к психологу. Не хочет доверять свои секреты взрослым — есть студент-тьютор. Здесь просто нет социально-психологических «дыр», в которые могут провалиться школьники вместе со своими тревогами.

— А у нас эта система насквозь дырявая, — уверен Хломов.

С тем, что спасти подростков нужно в первую очередь через школу, согласен и Юрий Лапшин:

— Профилактика возможна только через систему образования. Семьи разные, мы не можем для каждой семьи организовать семейную терапию. Самое главное, что у нас нет системы, которая бы обеспечивала вменяемую социально-психологическую помощь семье. Сейчас мы, МГППУ, участвуем в разработке программы профилактики аутоагрессивного поведения подростков. А вообще... С детьми нужно говорить на экзистенциальные темы — о жизни, смерти, одиночестве, смысле. Эти вопросы не «растворяются» сами собой. Есть такой стереотип: подростки все это обсуждают со сверстниками, а со взрослыми навряд ли захотят делиться. Мой опыт показывает, что это не совсем так: взрослые им тут очень нужны, потому что своего опыта еще не хватает. Другое дело, что беседы не должны превращаться в нравоучения. Бывает так: в походе идет рядом с тобой мальчишка и болтает, болтает без умолку. И вдруг ни с того ни с сего говорит: «А я считаю, что людям доверять нельзя». Он же не просто так говорит, он проверяет: а ты как считаешь? как ответишь? можно с тобой это обсуждать? Про суицид то же самое: «А мой знакомый однажды хотел повеситься... Ты как думаешь, бывают ситуации, когда нет другого выхода, кроме как умереть?» И ты уже не понимаешь, действительно речь идет о «знакомом» или этот мальчишка о себе говорит.

Но, увы, психологов в школах не хватает, не в каждой школе они есть. Да и те, что есть, часто перегружены не тем, чем нужно: они занимаются тестированием, составлением анкет и прочими бумажно-отчетными делами. Администрация во многих школах вообще не понимает, зачем им нужен психолог, и его ставка просто делится между учителями.

А учителя не могут выполнять функции психологов, от них требуют успеваемости — школам нужно сдать ГИА и ЕГЭ, от этого зависят их успех и финансирование. Учителя из всех сил «стимулируют» учеников, общее давление увеличивается.

— Нам нужно выстроить целую систему, которая будет работать через образовательные учреждения и отслеживать все группы риска, — считает Лапшин. — Причем это не просто наличие психолога в школе — должны быть центры по работе с подростками, клубы, психологические службы. Они у нас, в принципе, есть в каком-то количестве. Но работают все разрозненно. Эта волна трагедий, конечно, станет толчком для создания такой системы, будут приняты какие-то решения... Важно, чтобы это не было заброшено и забыто к лету, как только первый ужас пройдет.

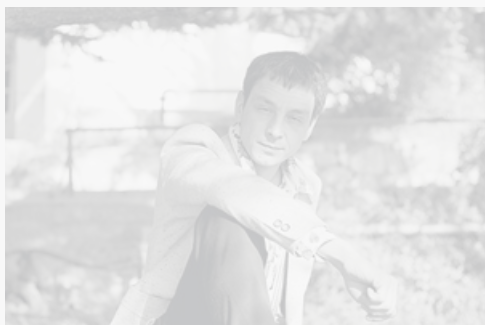
— А пока остается, как всегда, посоветовать родителям быть ближе и внимательнее к своим детям?

— Да. И помнить о том, что самое бесполезное, я бы даже сказал, вредное — это запрещать тему суицида и запугивать. Нужно просто слушать. Разговаривать. Это как история про улитку, знаете? Если пытаться достать ее пальцами из раковины, чтобы посмотреть, какие у нее рожки, она будет сильно сопротивляться. Ребенок должен быть уверен, что в результате своей откровенности он не будет отвергнут или наказан.

В конце концов, не только аномическая депрессия, но и радость и любовь отлично передаются другим.

Справка РР

«Нельзя запрещать смерть»

Кирилл Кошкин, психиатр, сотрудник НИИ психиатрии:

Я даже в страшном сне не могу представить себя на месте родителей, чей ребенок покончил с собой. Родители, которые сейчас хоронят своих детей, — они ни в чем не провинились. Уверен, если мы сделаем подробный семейный анализ, то вряд ли что-то обнаружим, кроме трагического стечения обстоятельств, куда входит этап развития ребенка,

какое-то провоцирующее событие, отсутствие опыта, реакция страха...

Но я считаю, что человек имеет полное право покончить с собой. Моя работа с суицидентами подразумевает уважение к этому праву. Именно это позволяет остановить тяжелый механизм созависимости. Ведь чем больше я противодействую суициду, тем меньше у человека остается ресурса, чтобы делать это самому: если я беру на себя ответственность и начинаю его спасать, я изымаю у пациента кусок его психической деятельности и начинаю выполнять функцию протеза.

Знаменитый писатель и педагог Януш Корчак писал, что ребенок имеет право на свою собственную жизнь и на свою собственную смерть. И если это будет в голове у родителей, они по-другому будут относиться и к своему ребенку, и к его выбору. Отношения не должны строиться на запрете и пренебрежении: «Что значит “хочу — не хочу”?! Будешь делать, как я сказал!»

Ребенок может уйти в любой момент и имеет на это полное право. И если это себе уяснить, к нему уже невозможно не относиться как к личности — совсем другая картина отношений. Единственное, что можно сделать, — это создать условия, зацепки какие-то в этом мире, чтобы в нем хотелось остаться.

Все родители говорят детям: «Не делай этого, это опасно». Но потому-то дети это и делают — такова логика подростка. Большинство из них, если и пробуют играть со смертью, остаются живыми. Игра со смертью — это часть созревания. Это нормальный процесс: я пробую мир на прочность.

Суицидальные мысли, размышления о смерти, фантазии — этот процесс символизации смерти предельно важен. Многие сейчас говорят, что нужно отслеживать страницы детей в

«ВКонтакте», чтобы вовремя заметить опасность. Но что там, собственно, можно заметить? Размышления о смерти? А разве они являются предосудительными? Как раз это и есть попытка перевести смерть в символический ряд. И запрет таких фантазий — провокация дальнейших суицидов.

Обычно поется такая песня: «Об этом нельзя думать, нельзя спрашивать, нельзя рассматривать какие-то картинки, этого нельзя представлять». А я считаю, что об этом можно и нужно говорить. У нас есть запрет на тему смерти вообще. Родители не хотят сталкиваться с истерикой ребенка, его слезами. Попугай умер — ребенка отправили гулять, а потом купили другого. А в итоге нет этого опыта потери, нет понимания того, что, как бы ты ни плакал, попугая не вернуть.

Фильмы о самоубийцах

«Это очень забавная история»

Режиссеры Анна Боден, Райан Флек, 2010

Что толкает на самоубийство Типичный кризис подросткового возраста, ощущение, что тебя не любят девушки, родители и весь мир.

Почему у этого фильма такое идиотское название, остается загадкой. Ожидаешь увидеть какую-то легкомысленную комедию, а получаешь кино про психбольницу, порезанные вены, депрессию и мысли о суициде. Но этот фильм должен посмотреть любой

человек, в голове которого хоть раз мелькал вопрос «зачем жить?».

Прелесть фильма в абсолютной обыденности его героя (это вам не маргинальные персонажи какого-нибудь европейского артхауса). Обычный 16-летний паренек Крейг пугается собственных мыслей о самоубийстве и добровольно отправляется в психиатрическую больницу. Психушка выглядит куда более человечно и дружелюбно, чем в «Пролетая над гнездом кукушки». А главное — финал фильма таков, что после него действительно хочется жить.

«Самый лучший папа в мире»

Режиссер Боб Голдтуэйт, 2009

Что толкает на самоубийство Формально подросток не кончал с собой — просто неудачно мастурбировал и задохнулся, но за этим, конечно, стоит трагедия лузерства и тотального неприятия сверстниками.

Здесь нас снова обманывают с названием. Ожидаешь доброй семейной комедии, тем более что в главной роли комик Робин Уильямс. Хочется позвать для совместного просмотра

семидесятилетнюю бабушку и семилетнюю дочь. Не надо, не зовите! А вот четырнадцатилетний сын будет кстати.

Главный герой Лэнс Клейтон — полный неудачник. Всю жизнь мечтал стать великим писателем, а в итоге преподает литературу в районной школе. Его сын — неудачник в квадрате. Совсем уж никчемная и отверженная личность, чьи интересы ограничиваются онанизмом. Чтобы усилить ощущения во время мастурбации, он перекрывает себе на время дыхание (у российских подростков это называется «собачий кайф»). В один из сеансов мальчик слегка переборщил и задохнулся.

Дабы скрыть позорную гибель сына, отец выдает это за самоубийство, после чего сочиняет дневник, якобы написанный сыном перед смертью. Книга тут же становится бестселлером, а погибший подросток — героем, которого, оказывается, тайно любили самые красивые девушки школы и уважали самые крутые парни.

«Эксперимент 2: Волна»

Режиссер Деннис Ганзель, 2008

Что толкает на самоубийство Разочарование в мире, который, казалось бы, еще совсем недавно был понятным и правильным.

Учитель старшей школы решает провести учебный эксперимент: смоделировать в классе тоталитарное общество наподобие национал-социализма. Ритуалы, правила, подчинение, иерархия, борьба с врагами... В итоге эксперимент получается слишком удачным, и преподаватель объявляет о его прекращении. Но один

из учеников уже настолько вошел в роль активиста движения «Волна», что, не выдержав крушения этого четкого и упорядоченного мира, кончает с собой.

Фильм основан на реальном эксперименте, который устроил преподаватель американского колледжа Рон Джонс, пытаясь показать ученикам, откуда берется фашизм. В реальности самоубийства не было, но некоторые ученики спустя много лет вспоминали «Третью волну» как нечто сверхважное в их жизни.

«Русское»

Режиссер Александр Велединский, 2004

Что толкает на самоубийство Несчастливая любовь и желание показать себя «крутым парнем».

Тут опять с названием не все гладко. Фильм снят по мотивам ранних повестей Эдуарда Лимонова, действие которых происходит в Харькове — хоть и русскоязычном, но все-таки украинском городе.

Главный герой, которого зовут Эдуард Савенко, как и положено подростку, экспериментирует с жизнью — пьет, рискует, пишет стихи, являясь то с филологами, то с бандитами. На почве несчастной любви он пытается вскрыть себе вены и оказывается в знаменитой Сабурке — психбольнице, где некогда лежали Гаршин, Врубель и Хлебников.

В финале в больницу приезжает некий корифей психиатрии и признает будущего Лимонова вполне вменяемым: «Если человек режет себе вены вот так, он на самом деле не хочет умереть», — с этими словами профессор закатывает рукав своего халата, демонстрируя аналогичные шрамы.

«Общество мертвых поэтов»

Режиссер Питер Уир, 1989

Что толкает на самоубийство Давление авторитарных родителей, не позволяющих юноше идти по собственному жизненному пути.

В закрытую элитную школу приезжает новый преподаватель литературы (его играет тоже Робин Уильямс). В консервативные нравы этого учебного заведения он привносит дух вольнодумства и бунтарства. Один из вдохновленных им юношей решает стать не адвокатом или врачом, как хотят родители, а актером. Но после школьного спектакля отец подростка требует, чтобы парень выбросил все эти глупости из головы. Тот ночью пускает себе пулю

в висок.

По идее герой Уильямса должен восприниматься как сугубо положительный персонаж, а фильм — как противостояние этого глашатая свободы авторитарным родителям и консервативной администрации. Но если задуматься, это фильм, скорее, о педагогической безответственности и неумении обращаться с такой сложной субстанцией, как психика подростка.

«Чучело»

Режиссер Ролан Быков, 1983

Что толкает на самоубийство Лидер класса и всяческий отличник Дима Сомов пытается выброситься из окна, когда становится известно, что именно он выдал учителям тайный побег класса в кино.

Фильм жесткий и трагичный: ученики провинциальной школы с упоением травят одноклассницу Лену Бессольцеву, которая якобы их предала. Но в отличие от фильмов Гай Германики, школьники выглядят абсолютно реальными. Может быть, потому, что Ролана Быкова во время съемок постоянно консультировал вице-президент Академии педагогических наук Артур Петровский.

Настоящего самоубийства здесь нет — разоблаченный отличник Сомов, скорее, пытается в очередной раз доказать свою крутость. Но, по сути, суицидальные намерения или мысли знакомы почти половине его героев.

Светлана Скарлош, при участии Алины Десятниченко, Григория Тарасевича, Анны Титовой и Алёны Лесняк.

Автор: Артур Скальский © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 6306 21.02.2012, 13:41 👤 814
URL: <https://babr24.com/?ADE=102906> Bytes: 28793 / 27732 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)
эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)